

в его бесконечных скитаниях по чужим домам отметим лишь один уличный эпизод: «Гадко мне было, когда, усталый и от ходьбы и от мысли, добрался я вечером, часу уже в восьмом, в Семеновский полк. Совсем уже стемнело, и погода переменилась; было сухо, но подымался скверный петербургский ветер, язвительный и острый, мне в спину, и взвевал кругом пыль и песок. Сколько угрюмых лиц простонародья, торопливо возвращавшегося в углы свои с работы (...) Мне встретился маленький мальчик, такой маленький, что странно, как он мог в такой час очутиться один на улице; он, кажется, потерял дорогу; одна баба остановилась было на минуту его выслушать, но ничего не поняла, развела руками и пошла дальше, оставив его одного в темноте. Я подошел было, но он с чего-то вдруг меня испугался и побежал дальше (...) Когда я входил на лестницу, мне ужасно захотелось застать наших дома...» (13, 64. Курсив мой. — Р. К.).

Выделенные слова дают основание увидеть в этом урбанистическом пейзаже нечто большее, чем только «физиологическую» зарисовку. В интересующем нас аспекте он предстает как некая метафора, в которой сам герой — тоже одинокий маленький мальчик, потерявший свою дорогу в чужом враждебном хронотопе. В финале романа, однако, герою открывается некий «новый путь» (13, 451), достаточно туманный, но включающий заботу о доме (семье) и непосредственно связанный с городом. Такой открытый финал при всей его неясности знаменует попытку хронотопного синтеза, как уже отмечалось.

Хронотопная структура «Братьев Карамазовых» чрезвычайно сложна, поэтому ограничимся тем, что отметим: дом Федора Павловича представляется не столько родительским очагом, сколько неким перекрестком, где однажды встретились и пересеклись жизненные пути братьев, чтобы затем снова разойтись. Дорожный колокольчик знаменует путь Мити в каторгу. Дорога Ивана — это трудный путь блудного философа, осужденного на «квадриллион километров» и «биллион лет ходу» (15, 79). Путь Алеши в мир — это Млечный Путь, чем подчеркнута, помимо прочего, хронотопная открытость провинциального Скотопригоньевска во вселенскую беспредельность. И только жизненный путь Смердякова, начавшись под забором карамазовского дома (один из контекстуальных синонимов порога), в этом же доме и завершится, замкнув круг бытия.

Особо следует отметить «Сон смешного человека», где путь героя пророчен от петербургских улиц — через убогую каморку — в бесконечность космоса — и в тот же город, но уже с твердым осознанием открывшейся ему грядущей дороги: «О, я бодр, я свеж, я иду, иду, и хотя бы на тысячу лет (...) я пойду (...) А ту маленькую девочку я отыскал... И пойду! И пойду!» (25, 118—119). Очевидно, «Сон смешного человека», вещь во многом итоговую, можно считать и своеобразным итогом в реализации трехчлена «дорога—город—дом», обретением синтеза, к которому так стремились все герои Достоевского.

В заключение подчеркнем еще раз, что рассмотренный материал отнюдь не исчерпывает проблему лейтмотивной вариативности как непосредственно в творчестве Достоевского, так и в контексте исторической поэтики, открывая новые исследовательские перспективы.

А. В. АРХИПОВА

«АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЭПОХА» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДОСТОЕВСКОГО

Достоевский причислял себя к писателям, «одержимым тоской по текущему» (13, 455). Больше всего его интересовало время, в которое он жил и работал. Это, однако, не исключало определенного интереса к истории России, особенно к поворотным моментам этой истории. Таково, например, постоянное внимание Достоевского ко времени и личности Петра Великого. Несомненный интерес проявлял писатель и к царствованию Александра I, «александровской эпохе», конец которой совпал с его ранним детством. Однако перемены, произошедшие в России после николаевского царствования, отодвинули александровскую эпоху в сознании людей второй половины XIX в. очень далеко. Интерес, который она могла вызывать, был преимущественно историческим.

Достоевский нигде не оставил нам законченной и последовательной характеристики александровской эпохи, не дал ее полной оценки. Отдельные заметки, замечания по поводу Александра I, политических деятелей его царствования, основных умонастроений этого периода встречаются в разных произведениях Достоевского, главным образом в черновиках и записных тетрадах. Это суждения, часто не предназначавшиеся для печати, но потому особенно ярко и непосредственно отражающие позицию писателя. Анализируя эти разрозненные высказывания, можно составить общую картину отношения Достоевского к деятельности Александра Благословенного и определить, как воспринимал он этот период в политической истории России и в истории духовного развития русского общества.

Личность Александра I, как и его политика, стала особенно привлекать внимание Достоевского в 1870-е гг. в связи с его публицистической деятельностью и ростом общего интереса к историческим и геополитическим проблемам. Писатель интересовался специальной исторической литературой о царствовании Александра I, был знаком с трудами М. И. Богдановича «История царствования императора Александра I и Россия его времени» (СПб., 1869—1871. Ч. 1—6), А. Н. Пыпина «Общественное движение в России в царствование Александра I» (СПб., 1871), о чем сохранились свидетельства в его записных тетрадах (см.: 27, 106, 113). Следил Достоевский и за публикациями в «Русской старине», «Русском архиве» и других изданиях.

Свои исторические и политические оценки Достоевский давал, исходя из близких ему идей почвенничества и позднего славянофильства, и оценка александровской эпохи в этом отношении особенно показательна. Отмечу, что общие представления Достоевского как об исторической роли Российского государства, так и о целом мировоззрении русского народа и его мессианском предназначении были в значительной степени мифологизированными. Эта мифологизированность определяла и интерпретацию Достоевским эпохи Александра I.

Отношение писателя как к личности этого царя, так и к его политической деятельности всегда оставалось скептическим. Он не считал Александра I ни умным человеком, ни дальновидным политиком. «...Екатерина была гениальна, а Александр — нет», — отметил Достоевский в записной тетради 1876 г. (24, 82). Политика царя, по мнению Достоевского, не была самостоятельной, а проводилась всегда с оглядкой на Европу. Все внешнеполитические достижения александровского царствования, и прежде всего победа над Наполеоном, не были использованы в интересах Российского государства, считал Достоевский. Он был убежден, что, изгнав войска Наполеона из пределов России в 1812 г., русское правительство не должно было продолжать военную кампанию в Западной Европе, брать Париж, чтобы вернуть туда Бурбонов, и т. д., а следовало бы заключить мир с Наполеоном и, сыграв на противоречиях между европейскими государствами, укрепить свое положение в Европе и в Азии, решить раз и навсегда восточный вопрос (т. е. вопрос о Константинополе и проливах) в пользу России. «...слава военная и сила наши не пошли нам впрок, именно по узости мысли, не могшей развиться в народный взгляд и оторвавшейся от народа (...) война с Наполеоном кончилась в пользу Европы...», — утверждал Достоевский в записной тетради 1873 г. (21, 268). Эту же мысль он развил в «Дневнике писателя» 1881 г. «В двенадцатом году, выгнав от себя Наполеона, мы не помирились с ним (...) а двинулись всей стеной осчастливить Европу, освободив ее от похитителя» (27, 33—34). Александр I прельстился, по словам Достоевского, красивой картиной — ролью освободителя и миротворца и отдал за эту «картинку» несомненную пользу своего государства.

Осуждал Достоевский и польскую политику царя, которая явилась, по мнению писателя, подтверждением того, что Александр не ценил свой народ и был далек от его интересов. «Александр I (...) — заметил Достоевский в 1863 г., — во имя уважения к польской цивилизации дал полякам высшее устройство, чем русским, считая русских гораздо ниже образованными поляков» (20, 99), и повторил эту мысль в тетради 1876 г. Присоединение польских земель к Российской империи, с точки зрения Достоевского, было необходимо в целях безопасности России («...Россия, защищаясь, взяла Польшу. Если б не взяла она Польшу, то Польша б взяла родовое наше»), а предоставление Польше автономии Александром I было ошибкой (см.: 24, 120).

Достоевский постоянно подчеркивал прозападническую ориентацию правительства Александра I. Именно в период его царствования, считал писатель, достиг своей высшей точки начавшийся с петровских преобразований процесс отрыва от народа и национальных корней

власти и привилегированных слоев общества. Достоевский особо отмечает получившее в это время небывалое распространение французского языка, который стал даже языком официальных бумаг и министерской переписки (см.: 24, 293, 500). Все это, по мнению писателя, стало главным пороком александровского царствования, так как привело к окончательной потере дворянской культурой своей национальной самостоятельности.

На отрицательное отношение Достоевского к Александру I указывает и то, что имя этого царя часто попадает в иронический или сатирический контекст. Как некий идеальный символ Александр I упоминается в «Идиоте», в фантастическом и комическом рассказе генерала Иволгина, который будто бы в детстве был близким другом и пажом Наполеона в объятый пламенем Москве (см.: 8, 414). В первоначальном тексте статьи «Ряженный» («Дневник писателя» 1873 г.) содержалось замечание, что «наши лучшие писатели» «даже времена Александра Благословенного называют „патриархальными временами” и безо всякого юмора или иносказания» (21, 325). Именно ироническая двусмысленность этой фразы привела к исключению ее из печатного текста.¹ Несколько раз упомянут Александр I в записной тетради 1876 г. в заметках о памятнике Н. М. Карамзину в Симбирске, на постаменте которого Александр и Карамзин изображены в «странных» (античных) одеждах, «голыми», «по крайней мере на 9/10» (24, 68).

Лишь один раз, в «Дневнике писателя» 1877 г., Александр I упомянут в положительном смысле, как патриот, который в 1812 г. почувствовал негибемую силу духа русского народа и заявил, «что отрастит бороду и уйдет в леса с народом своим, но не положит меча и не покорится воле Наполеона» (25, 98). Факт этот Достоевский почерпнул из работы Н. В. Путьяты «Обозрение жизни и царствования императора Александра I», опубликованной в сборнике П. Бартенева «Девятнадцатый век» (М., 1872) (см.: 25, 394). Это единственное, если не считать анекдота генерала Иволгина в «Идиоте», упоминание Александра I в печатном тексте Достоевского. Однако и эта положительная характеристика царя звучит двусмысленно: он показан добрым, но беспомощным, готовым «уйти в леса», а не победить Наполеона.

Александр I представлялся Достоевскому непоследовательным продолжателем дела Петра, его антинародных, антирусских преобразований. В этом отношении он воспринимался как антипод Александра II, народного царя, царя-освободителя, чья деятельность покончила с петровским периодом русской истории. Западнические устремления александровской эпохи, по мнению Достоевского, создали благоприятную почву для зарождения и развития в России западнического либерализма, всегда враждебно воспринимавшегося писателем. Он даже был склонен, вопреки очевидной логике, объединять Александра I с представителями всех оппозиционных самодержавию течений, вплоть до социалистических. «Алек(сандр) I, Мордвиновы, Сперанские, декабристы, Герцены, Белинские и Чернышевские и вся современная дрянь»

¹ Исключение этой фразы произошло в корректуре, из соображений политического такта, возможно, самим Достоевским или по рекомендации издателя.

(21, 267) — это для Достоевского единый ряд, неприемлемая для него часть русского общественного сознания, та «интеллигенция России», которая «с Петра Великого начиная, не участвовала в прямых и текущих интересах России, а всегда тянула дребедень отвлеченно-европейскую» (Там же). Достоевский был убежден, что интересы России не могут совпадать с европейскими интересами.

Политика Александра I породила движение декабристов, утверждал Достоевский. Причем связь между этими двумя явлениями состояла не в том, что декабристы противостояли политике царя, а была самой прямой и родственной: декабристы продолжили и довели до логического конца европействующий либерализм правительства.

Идеи почвенничества оказали сильное влияние на оценку Достоевским декабристского движения. Писатель, убежденный в необходимости своего, отличного от Запада, пути развития России, утверждал: «В элементах нашей народной цивилизации мы всегда видели признаки земщины, тогда как в европейской — признаки аристократизма и исключительности» (20, 98—99). Движение декабристов представлялось ему западническим и аристократическим, так как декабристы, по его мнению, стремились перенести в Россию не органичные для нее установления и институты западноевропейских стран. «14-ое декабря было диким делом, западническою проделкою, зачем мы не лорды? Русский царь играл тоже в эту игру...» (24, 82), — отмечал Достоевский в записной тетради 1876 г., задумывая статью о декабристах для «Дневника писателя». Статья эта не была осуществлена, но отдельные наброски к ней разбросаны среди других записей рабочих тетрадей 1875 и 1876 гг. «Что такое 14 декабря? — отмечал Достоевский, повторяя высказанную ранее мысль. — Бунт русских помещиков, пожелавших стать лордами...» (24, 146). Развивая это положение, писатель неоднократно подчеркивал дворянский, аристократический характер декабристского движения, которое преследовало свои узко-классовые интересы и заботилось о том, чтобы добиться большей независимости дворянства от самодержавной власти. Поэтому, был убежден Достоевский, декабристы никогда бы не освободили русский народ. Они бы, возможно, отменили крепостное право, но не дали бы крестьянам землю, что не было бы фактическим освобождением народа. «Освободили бы декабристы народ? Без сомнения нет», — отмечал Достоевский в записной тетради 1876 г., ранее высказав эту мысль в подготовительных набросках к «Бесам»: «Бьюсь об заклад, что декабристы непременно бы освободили тотчас русский народ, но непременно без земли — за что им непременно сейчас же народ свернул головы и тем бы доказал им, что не одно их московское общество составляет Россию, — к величайшему их удивлению» (11, 88). То, что народ не поддержал бы декабристов, Достоевский повторял неоднократно. «Они исчезли бы, не продержавшись и двух-трех дней. Михаилу, Константину стоило показаться в Москве, где угодно, и всё бы повалило за ними» (24, 82), — отметил писатель, убежденный в монархических симпатиях народа.

В своих рассуждениях на эту тему Достоевский опирался на «Записки Ивана Дмитриевича Якушкина», изданные в Лондоне в

1862 г. Автор «Записок», бывший декабрист, рассказывает, как он намеревался освободить своих крепостных в 1819 г. по «остзейскому образцу» 1816 г., т. е. отдать крестьянам дома, скот, инвентарь, а землю сдавать в аренду. Достоевский, видимо, считал эту попытку Якушкина общедекабристским планом освобождения крестьян без земли, а рассказ бывшего декабриста о том, что крестьяне не приняли его план, утвердил писателя в мысли, что освобождение крестьян возможно только с земельным наделом. Слова якушкинских крепостных: «Ну так, батюшка, оставайся все по-старому: мы ваши, а земля наша», — Достоевский часто повторял в своих черновиках. Работая над главкой «Земля и дети» для июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» 1876 г., он вспоминал Якушкина, который писал: «Русский крестьянин не допускает возможности, чтобы у него не было хоть клочка земли, которую он пахал бы для себя собственно».² Достоевский был склонен противопоставлять декабристскому, как он считал, плану освобождения крестьян без земли царский манифест от 19 февраля 1861 г., по которому крестьяне получали земельный надел.³ В черновиках «Бесов» мысль эта вложена в уста Шапошникова (ранний вариант образа Шатова): «Вспомните тоже, что царь освободил народ, а не вы, — говорит он западнику Грановскому. — Эта мысль у царей родилась, а декабристу Чацкому и в голову не приходила» (11, 87).

Художественным воплощением образа декабриста в русской литературе Достоевский, вслед за Н. П. Огаревым и А. И. Герценом, считал грибоедовского Чацкого и к характеристике этого персонажа часто обращался как в своей публицистике, так и в художественных произведениях. Особенно много заметок об этом герое находим мы в черновиках и записных тетрадах.⁴

Впервые Чацкий стал предметом анализа Достоевского в «Зимних заметках о летних впечатлениях», где он истолкован именно как изображение декабриста. Впоследствии ему посвящаются многие рассуждения в черновых набросках к «Бесам», «Дневнику писателя», «Подростку» и Пушкинской речи. Хотя в разные периоды акценты в

² Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 29. Достоевский в связи с этим подчеркивал в записной тетради 1875 г.: «...все должны иметь право на землю и (...) чуть лишь это право нарушено, то является сотрясение и распадение общества. У нас русские поняли. Декабрист Якушкин — искреннейший человек» (21, 270).

³ Отметим, что предоставляемый крестьянам бесплатно надел в две десятины по реформе 1861 г. соответствовал одному из декабристских вариантов освобождения крестьян — плану Никиты Муравьева, что никак не отражено Достоевским.

⁴ О восприятии Достоевским комедии «Горе от ума» и отчасти личности ее автора существует ряд исследований. Назовем некоторые из них: *Бем А. Л.* «Горе от ума» в творчестве Достоевского // *Бем А. Л.* У истоков творчества Достоевского. Прага, 1936. С. 13—33; *Борщевский С.* Шедрин и Достоевский. М., 1956. С. 295—302; *Гришунин А. Л.* Грибоедов и «Горе от ума» в наследии Достоевского // *Искусство слова: Сб. статей к 80-летию Д. Д. Благого.* М., 1973. С. 192—198; *Медведева И.* «Горе от ума» А. С. Грибоедова. 2-е изд. М., 1974. С. 95—106; *Архипова А. В.* Дворянская революционность в восприятии Достоевского // *Литературное наследие декабристов.* Л., 1975. С. 219—246; *Королева Н. В.* Достоевский и «Горе от ума» // *Достоевский и театр: Сб. статей.* Л., 1983. С. 118—153; *Боган А. Л.* Достоевский и Грибоедов (дополнения к комментариям) // *Достоевский: Материалы и исследования.* Л., 1988. Т. 8. С. 292—296.

его характеристике меняются, сущность его понимания Достоевским в общем остается постоянной. Она сводится к тому, что Чацкий, искренно желающий добра России и ее народу, этого народа совсем не знает, не понимает, и оттого все обличительные речи его не достигают цели.

Задумывая в 1876 г. статью о русской сатире, Достоевский сделал ряд заметок о комедии Грибоедова и ее герое. В отличие от Пушкина, которому образ Чацкого показался неубедительным и недостоверным,⁵ Достоевский признает, что «это художественно, и он вполне себе верен (...) Только Грибоедов выставил Чацкого положительно, тогда как надо было отрицательно» (24, 303). Эту же мысль Достоевский повторил и в набросках к Пушкинской речи, где назвал Чацкого характером «сбивчивым»: он бранит Москву и французский язык, бранит фраки, а между тем бежит опять за границу.⁶ И наконец, в записной тетради 1881 г. среди набросков к не осуществленным уже главам «Дневника писателя» Достоевский снова повторил ту же характеристику «Чацкого-декабриста» и комедии Грибоедова в целом как «гениальной, но сбивчивой» (27, 87). В трактовке Достоевским «Горя от ума» и образа Чацкого можно усмотреть несомненные переклички с известной статьей В. Г. Белинского «„Горе от ума“, сочинение А. С. Грибоедова» (1840). Достоевский, знавший эту статью еще в юности, воспринимал комедию Грибоедова сквозь призму идей Белинского, хотя, может быть, в 1870-е гг. и не осознавал этого. У Белинского взято и определение комедии как «сбивчивой». «Очевидно, — писал Белинский, — что идея Грибоедова была сбивчива и неясна самому ему, а потому и осуществилась каким-то недонеском».⁷ Сбивчивость идеи и состояла, по мнению Белинского, в том, что такого человека, как Чацкий, нельзя было делать положительным героем. «Искусство может избрать своим предметом и такого человека, как Чацкий, но тогда изображение должно было быть объективным, а Чацкий лицом комическим; но мы ясно видим, что поэт, не шутя, хотел изобразить в Чацком идеал глубокого человека в противоречии с обществом, и вышло Бог знает что».⁸

Однако в трактовке Чацкого Достоевским есть и существенное отличие от Белинского. Достоевский воспринимает Чацкого прежде всего как декабриста, как образ, отражающий определенное историческое явление, и отсюда неприятие его, связанное с неприятием либерализма западнического толка, но отсюда же и более широкое и не вполне однозначное истолкование этого образа. Достоевский всегда ощущал противоречивость декабристского движения и видел в этом отражение противоречивости самой александровской эпохи. Осознать эту противоречивость и по-своему истолковать ее помогла Достоевскому фигура Н. М. Карамзина, во многом ключевая для этого времени.

⁵ См.: Пушкин. Полн. собр. соч. [М.: Л.], 1937. Т. 13. С. 138.

⁶ Надо сказать, что твердое убеждение Достоевского, будто Чацкий приехал из Западной Европы и после разрыва с Софьей снова туда отправился, никак не подтверждается текстом комедии.

⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 3. С. 481.

⁸ Там же.

Восприятие Достоевским Карамзина претерпело значительную эволюцию. Усвоение художественного опыта главы русского сентиментализма сыграло определенную роль в творческом развитии Достоевского,⁹ однако здесь речь пойдет об идеологическом истолковании наследия Карамзина.

В 1840-е гг. Достоевский ни разу не упомянул имени Карамзина ни в своих сочинениях, ни в письмах. И потому возможно, что художественное влияние Карамзина, которое ощутимо в его произведениях этого периода, осуществлялось неосознанно. Зато в послекаторжний период, в 1859—1861 гг., Карамзин часто упоминается Достоевским, однако всегда в ироническом плане, в целях литературной полемики. Таково высказывание Фомы Опискина о повести «Фрол Силин» в «Селе Степанчикове»¹⁰ или упоминания о Карамзине в «Ряде статей о русской литературе». Здесь повести «Фрол Силин» и «Марфа-Посадница» названы в качестве произведений, из которых о русской жизни можно узнать не больше, чем из иностранных сочинений о России. «Точно на луне или в „Марфе Посаднице“ Карамзина» (19, 47), — восклицает Достоевский, и эта формула вполне характеризует отношение его к карамзинскому творчеству. Не выше ценил Достоевский в этот период и исторические сочинения Карамзина, хотя позднее и признавался, что «возрос на Карамзине» (29, 153). Говоря о наборе распространенных славянофильских штампов, Достоевский называет «панораму Москвы с Воробьевых гор», «мечтательное представление московских бар половины семнадцатого столетия», «осаду Казани и Лавры» и «прочие панорамы, представленные во французском вкусе Карамзиным», да его же «Марфу Посадницу», «прочитанную когда-то в детстве» (19, 60). Карамзин воспринимается Достоевским как писатель головной, антинародный, описывающий «русских поселян» наподобие «фарфоровых пейзажиков» (19, 40), писатель, чьи произведения могут вызывать восторг невежественного Фомы Опискина или наивных славянофилов.

Отношение к Карамзину меняется после первого заграничного путешествия Достоевского 1862 г., во время которого, как можно с уверенностью предположить, он впервые прочел «Записку о древней и новой России» Карамзина, напечатанную в Берлине в 1861 г. В России она распространялась в списках, и, судя по всему, Достоевский был знаком лишь с отрывками из нее.¹¹

Чтение «Записок» произвело сильное впечатление на Достоевского и повлияло на изменение ряда его оценок, прежде всего на оценку самого Карамзина. Достоевский воспринял резко негативное отношение Карамзина к реформам Петра I, искоренявшим, по его мнению, национальные русские начала. Отношение к петровским преобразованиям

⁹ См.: Виноградов В. В. Школа сентиментального натурализма // Виноградов В. В. Избр. труды. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 141—187; Чичерин А. В. Ранние предшественники Достоевского // Достоевский и русские писатели. М., 1971. С. 357—360; Желякова Э. М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского. Томск, 1989.

¹⁰ См. об этом подробнее: Степанов В. П. Повесть Карамзина «Фрол Силин» // XVIII век: Сб. 8. Л., 1969. С. 229—244.

¹¹ См.: Архипова А. В. Достоевский и Карамзин // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1983. Т. 5. С. 101—112.

как к антинародным сохранилось у Достоевского навсегда. Другая важная мысль Карамзина, впервые им высказанная, — мысль об оторванности интеллигенции от народа в результате деятельности Петра, также полностью разделялась Достоевским. Эти проблемы нашли отражение уже в «Зимних заметках о летних впечатлениях», написанных по следам заграничного путешествия 1862 г. Карамзин — автор «Записки о древней и новой России» — должен был восприниматься Достоевским как человек, глубоко осознавший ложность того пути, по которому пошла политика русского государства и вся русская дворянская культура, как честный и смелый гражданин, выламывавшийся из всего прозападнического окружения Александра I и не боявшийся говорить царю горькую правду. Царь же не понял Карамзина, не внял его увещаниям, и смелый гражданский порыв его вызвал лишь раздражение. Идеи Карамзина оказались неостереженными, а «Записка о древней и новой России» запрещена к печати.

Тем не менее, с точки зрения Достоевского, «Записка» знаменует поворот сознания лучших представителей дворянской интеллигенции в сторону своего народа, своей национальной самобытности. Карамзин, считал Достоевский, верно почувствовал, что государственная политика должна исходить из идеи народности, и был первым, кто провозгласил такое понимание роли государства.

Поэтому, когда в 1870 г. возникла полемика между А. Н. Пылиным и Н. Н. Страховым о месте и значении Карамзина в истории России, Достоевский встал на сторону Страхова, защищавшего Карамзина. В 4-й части «Очерков общественного движения при Александре I», посвященной Карамзину (Вестник Европы. 1870. № 9), Пылин рассматривал его как выразителя консервативно-охранительной идеологии, противника либеральных реформ и противопоставлял ему М. М. Сперанского — представителя лагеря реформаторов, убежденного в необходимости коренных преобразований. Достоевский был в корне не согласен с Пылиным. В черновых набросках к «Бесам» он записывает фрагмент намечаемого диалога персонажей: «Кто: Сперанский или Карамзин? Вопрос должен именно в том состоять, кто передовой: Сперанский или Карамзин?» (11, 289). Сам Достоевский отдавал безусловное предпочтение Карамзину, Сперанский для него — «семинарист». В записной тетради 1876 г. Достоевский дает характеристику «семинаристу», иными словами, разночинца, начинающего играть все большую роль в жизни современного общества. Это, с точки зрения Достоевского, человек без корней, «отщепенец от общества», он «от попа оторвался, а к другим сословиям не пристал, несмотря на всё желание», он «проеден самолюбием», а главное, как человек неукорененный, «жизнь гражданскую вообще понимает криво, лишь умственно, а главное отвлеченно» (24, 241). Примером такого отвлеченного человека, утратившего свои корни и связи со своей национальной, народной сферой, является для Достоевского Сперанский. «Сперанскому, — подчеркивает писатель, — ничего не стоило проектировать создание у нас сословий, по примеру английского, лордов и буржуазию и проч.» (Там же).

Проект Сперанского о введении в России двухпалатного парламента

(об этом Достоевский мог прочесть у Пылина) трактуется как головной, отвлеченный, не имеющий связи с русской жизнью. Упоминание о якобы задуманной палате лордов сближает в сознании Достоевского Сперанского и декабристов. Однако писатель допустил здесь ошибку: по утверждению Н. И. Тургенева, о верхней аристократической палате мечтал адмирал А. С. Мордвинов.¹² Достоевский же отождествил последнего с А. П. Ермоловым, который будто бы сказал: «...отчего же мы не лорды?» (24, 146). Восстание декабристов, с точки зрения Достоевского, и было (как и проект Сперанского) попыткой реализовать эту идею, ввести в России представительную форму правления.

Сперанский воспринимался Достоевским как предтеча западничества и продолжатель дела Петра. Карамзин же, напротив, выражал национальную точку зрения. Именно появление «Записки о древней и новой России» в то время, когда западное влияние на русскую политику и русскую культуру достигло своего апогея (чего не было еще в XVIII в.), говорит о некоем если не переломе в общественном сознании, то по крайней мере о начале движения в другую сторону, о возникновении ростков нового сознания.

Именно в это время появляется в русском обществе такой противоречивый и нескладный тип, как Чацкий. Признавая его ограниченность, Достоевский все-таки согласен с тем, что Чацкий одним из первых заговорил об оторванности дворянства от народа, об утрате дворянской культурой своего национального лица. «...это совершенно особый тип нашей русской Европы, — писал Достоевский о Чацком в «Зимних заметках о летних впечатлениях», — это тип милый, восторженный, страдающий, вызывающий и к России, и к почве...» (5, 61). Даже враждебно настроенный по отношению к Чацкому Шапошников из черновых вариантов «Бесов» находит в нем светлую сторону: «Но пусть он глуп, зато у него сердце доброе. Пусть он недалекий — зато мысль его все-таки оригинальна» (11, 87).

Честность и чистоту помыслов у людей типа Чацкого, в том числе и у декабристов, при всем неприятии их целей и способов достижения этих целей, Достоевский всегда отмечал. Он противопоставлял их искреннее стремление к народу, к пользе отечества настроениям современных ему либералов, в которых писатель видел только самодовольное презрение к простому народу, а также полную оторванность от народных чаяний и нужд. Достоевский считал, что современные «практические социалисты» «до такой степени раззнакомились с народом, что даже и не подозревают своего с ним разрыва» (25, 26). Революционеры же предыдущих поколений (декабристы, петрашевцы) свой разрыв с народом ощущали и страдали от этого.

Декабристы осознавались Достоевским как лучшие представители дворянского класса. «...к ним примкнуло всё великодушное и молодое» (24, 146), — подчеркивал он в записной тетради 1876 г. И там же: «...с исчезновением декабрист(ов) исчез как бы чистый элемент из дворянства. Остался цинизм: нет, дескать, честно-то, видно, не проживешь. Явилась условная честь (Ростовцев)...» (24, 82). В этом замечании

¹² См. об этом: Там же. С. 111.

сказалось ощущаемое Достоевским различие между александровской эпохой и николаевским царствованием.

Александровская эпоха, при всем неприятии Достоевским ее главных политических и культурных тенденций, осознавалась им как некий поворотный момент в русской истории. Наступившее через сто лет после петровских реформ время Александра I может быть охарактеризовано, исходя из общей концепции Достоевского, как начало тех процессов, которые и привели к завершению петровского («петербургского», как называл его писатель) периода русской истории во время царствования Александра II. «Да ведь девятнадцатым февралем и закончился по-настоящему петровский период русской истории» (21, 41), — писал Достоевский в статье «Влас» (1873), подчеркнув, что отмена крепостного права, освобождение крестьян «с землей» заканчивают период разрыва между властью и народом.

Почему же в александровскую эпоху, когда разрыв этот, казалось, был полным, начались ростки нового отношения к народу и нового самосознания дворянской интеллигенции? Ответ на это дает Достоевский в своей Пушкинской речи, косвенно подтвердив позитивное значение александровской эпохи в истории русского общественного сознания. Пушкин — порождение именно этой эпохи, того времени, когда «в оторванном от народа обществе нашем» «исторически необходимо» явился новый тип русского интеллигента, «несчастливого скитальца в родной земле, исторического русского страдальца» (26, 137), «тип всемирного боления за всех» (13, 376), как назвал его Версиков в «Подростке». К этому же типу относит Достоевский в черновиках «Подростка» и Чацкого — художественное воплощение образа декабриста.¹³ Но полнее всего тип этот был изображен Пушкиным в лице Онегина. Пушкин сам пережил этот этап скитальчества в первый период своего творчества (Достоевский, как мы помним, делит творчество Пушкина на три периода), преодолел этот этап, понял и художественно воплотил национальный русский тип — оторванного от народа и страдающего от этой оторванности скитальца.

Пушкин — единственный человек из дворян — преодолел свой разрыв с народом, достиг народного мироощущения, полного слияния с «народной правдой». И наконец, Пушкин явился воплощением «всемирной отзывчивости» русского народа, того качества, которое, по мнению Достоевского, есть проявление лучшего и высшего в русском человеке, является основным содержанием «русской идеи».¹⁴

Александровская эпоха, таким образом, в интерпретации Достоевского оказалась кризисным моментом русской истории. В ней, если можно так сказать, контрапунктически сошлись столь противоположные и столь характерные для русской жизни явления, как утрата своей государственной и национальной самобытности и тоска по ним.

¹³ См.: 16, 417. См. об этом: Архипова А. В. Чацкий в интерпретации русских писателей XIX века // А. С. Грибоедов: Хмелитский сборник (в печати).

¹⁴ См. об этом: Тихомиров Б. Н. «Наша вера в русскую самобытность» (к вопросу о «русской идее» в публицистике Достоевского) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 12. С. 108—124.

Крайняя высшая точка в отказе от своей национальной самостоятельности на государственном уровне стала в то же время началом возврата к народу, к почве лучших людей того времени. Начатый Карамзиным, поворот этот продолжили декабристы, в той степени, в какой они осознавали свою вину перед народом, и блестяще завершил Пушкин.

Так, под углом зрения «народной правды», утраты ее и тяготения к ней, и рассматривал Достоевский александровскую эпоху.